

Религиоведение. 2023. № 2. С. 59–65.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 2. P. 59–65.

DOI: 10.22250/20728662_2023_2_59

Каландаров Т.С.

*Институт этнологии и антропологии РАН
119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А
tohir_s70@mail.ru*

Религии / Religions of
Востока the East

Борьба против влияния Ага-Хана III на Памире (на основе архивных материалов)

Аннотация. В истории взаимоотношений Российской империи со среднеазиатскими владениями до сих пор много «белых пятен». Одной из наиболее малоизученных аспектов этих взаимоотношений в конце XIX – начале XX вв. является работа различных шпионских и тайных миссионерских отрядов. В XIX в. в Центральной и Южной Азии разворачивается геополитическое соперничество между двумя империями – Российской и Британской, вошедшее в историю как «Большая игра». Частью «полю» этой игры становится и Памир. Методы и способы, применяемые сторонами в этой необъявленной войне, были крайне разнообразны. Статья основана на архивных материалах и посвящена отправке двух миссионеров из Бомбея на Памир. По замыслу чиновников Российской империи эти миссионеры должны были вести агитацию против влияния Ага-Хана III – духовного лидера исмаилитов, среди его последователей на Памире. Ага-Хан III считался «сторонником» и «другом» британской короны, и, следовательно, надо было всеми методами вести борьбу против его влияния. Памир после разграничения 1895 г. фактически находился под управлением Российской империи, и любое влияние Ага-Хана III в этом регионе считалось неприемлемым. В архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) находятся документы, которые рассказывают о поездке из Бомбея на Памир двух исмаилитов – Ходжи Пир-Мухаммад-Ибрахима и Муса-Гуляма, хотя на самом деле они дошли только до Ташкента. Эта была достаточно дорогая для российской казны экспедиция миссионеров, тем не менее, она состоялась, более того – по пути в Ташкента российские чиновники оказывали миссионерам всяческую поддержку. Однако в конечном итоге данная миссия не увенчалась успехом, миссионеров в срочном порядке отправили обратно в Бомбей.

Ключевые слова: Памир, исмаилизм, Ага-Хан III, разведчики, Бомбей, Ташкент, ислам

Tokhir S. Kalandarov

*The Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32A Leninskiy prospect, Moscow, 119991, Russia
tohir_s70@mail.ru*

Fight against the Influence of Aga Khan III in the Pamirs (Based on Archival Materials)

Abstract. There are still many “blank spots” in the history of the relations between the Russian Empire with its Central Asian territories. One of such little-studied topics of this relationship of the late 19th and early 20th centuries is the work of various espionage and secret missionary groups. In the 19th century, Central and South Asia became a playground for the geopolitical rivalry between the Russian and British empires, which was marked as “the Great Game” in the history. The Pamirs became an “arena” of this game as well. Both the methods and ways, which were incorporated by the parties in this undeclared war, were extremely diverse. The article is based on archival materials and deals with the trip of two missionaries sent from Bombay to the Pamirs. According to the plans by the Russian Empire’s officials, the missionaries were supposed to campaign against the influence of Aga Khan III, the spiritual leader of the Ismailis, among his followers in the Pamirs as Aga Khan III was considered the “supporter” and “friend” of the British crown and, therefore, it was necessary to fight against his influence by all means. After the delimitation of 1895, the Pamirs were actually under the control of the Russian Empire, and any influence of Aga Khan III in this region was considered as unacceptable. The archive of the Foreign Policy of the Russian Empire contains documents which reveal the trip of the two Ismailis – Khoja Pir-Muhammed-Ibrahim and Musa-Ghulyam – to the Pamirs, despite the fact they managed to reach Tashkent only. This was quite an expensive missionary expedition for the Russian treasury, however, the Russian officials provided all kinds of support along the trip to Tashkent. Nevertheless, this mission was not successful, and the missionaries were urgently driven back to Bombay.

Key words: The Pamirs, Ismailism, Aga Khan III, intelligence officer, Bombay, Tashkent, Islam

В статье рассматривается один из методов борьбы против влияния религиозных лидеров со стороны центральных властей Российской империи. В свете выхода многочисленных научных трудов по антирелигиозной борьбе в советское время¹ иногда создаётся впечатление, что в Российской империи такая борьба не велась. Однако это впечатление ошибочно. По словам Д.Ю. Арапова, «важнейший принцип государственной политики тех лет заключался в том, что правительственные круги не хотели вступать ни в какой конструктивный диалог с представителями мусульманской общественности, видя в них лишь “радикалов”, “ниспровергателей основ”» [Арапов, 2006, 11]. Государственная цензура тщательным образом следила за изданием печатной продукции всех мусульман², вне зависимости от течения.

Что же касается непосредственно исмаилитов – то Российская империя всегда подозрительно относилась к влиянию духовного лидера исмаилитов Ага-Хана III на его последователей в Средней Азии.

В качестве справки отметим, что исмаилиты, как и шииты, подтверждают, что после смерти Пророка его двоюродный брат и зять Али ибн Абу Талиб стал первым имамом – духовным лидером мусульманского сообщества, и поэтому духовное руководство, известное как *имамат*, является наследственным через Али и его жену Фатиму, дочь Пророка. Наследование имамата, в соответствии с шиитской доктриной и традицией, происходит путём назначения, и выбор наследника из числа потомков является прерогативой имама. Согласно этой традиции, сорок седьмой имам Ага Али-Шах в 1885 г. назначил своего сына Султана Мухаммад-Шаха следующим, сорок восьмым имамом исмаилитской общины.

Немного остановимся на личности самого Ага-Хана III. Султан Мухаммад-Шах (таково при рождении было его имя) – 48-й наследный имам – духовный лидер исмаилитов мира. Султан Мухаммад-Шах стал имамом в возрасте восьми лет. Он руководил исмаилитской общиной в течение 72 лет – дольше всех своих предшественников. В воспитании молодого имама огромную роль играла его мать – Шамс ал-Мулук, высокоодарённая женщина. Она происходила из иранской царской семьи, была внучкой Фатх-Али-Шаха – иранского правителя из династии Каджаров, который правил с 1797 по 1834 г.

Резиденция имама Султана Мухаммад-Шаха находилась в Бомбее, где была сосредоточена большая исмаилитская община. Однако эта община всегда находилась под религиозным влиянием как суннитов³, так и шиитов-двунадесятников⁴. Поэтому имаму пришлось провести серьёзную работу по восстановлению исмаилитской идентичности своих последователей. Параллельно с этим Ага-Хан III начал проводить политику модернизации своей общины. В первую очередь это касалось вопросов равноправия мужчин и женщин в общине. В своей книге «Индия в переходный период» имам пишет: «Биологически женщины намного важнее для нации, чем мужчины. При том что в целом женщины способны самостоятельно зарабатывать средства к существованию наряду с мужчинами, они являются хранительницами жизни нации и благодаря этому своему природному качеству несут двойное бремя. Опыт показывает высокую вероятность того, что активное влияние женщин на жизнь общества, при прочих равных условиях и свободе, должно не только послужить улучшению материальной жизни внутри страны, но, кроме того, сообщить самый возвышенный идеализм жизни государства [Aga Khan III, 1918, 254]. Далее Ага-Хан III продолжает свои мысли: «Сегодня ни один прогрессивный мыслитель не станет опровергать утверждение, что уровень социального прогресса и общего благосостояния общин наиболее высок там, где женщины менее отгорожены искусственными барьерами и узкими предубеждениями от своего полноценного положения граждан. Стало быть, с глубокой скорбью следует признать, что положение индийских женщин является неудовлетворительным, что повсюду на пути их полноценного служения обществу имеются искусственные препятствия и что, с точки зрения здоровья и счастья, женщины без нужды страдают от цепей и оков предрассудков и предубеждений... Это социальное зло и другие, ему подобные, так ограничивали Индию, что невозможно представить эту страну занимающей надлежащее место среди свободных наций до тех пор, пока всеохватный принцип равенства между полами не будет в целом принят её населением. Отречение от этого принципа в настоящий

момент тем более достойно сожаления, что природный ум и способности индийских женщин далеко не ниже, чем у их эмансипированных сестёр» [Там же, 256].

Подобные высказывания были поистине революционными для индийского общества того времени. Ещё более радикальными были методы, которыми он пользовался. Основным средством решения «женского вопроса» – в Индии в целом и среди своих последователей в частности – имам считал обучение: только образованные женщины, по его мнению, могли принять ответственность за свою судьбу. За относительно короткое время Ага-Хан III смог открыть для своей общины несколько школ, в которых девочки учились наравне с мальчиками.

Деятельность Ага-Хана III не могла не вызвать отклика как внутри, так и за пределами исмаилитской общины. В знак глубокой преданности исмаилиты Индии, Ирана и Средней Азии называли его «*Мавлана Хазир Имам*» – «Наш Господин Нынешний Имам». И, конечно же, такая фигура и её огромное влияние на исмаилитов Средней Азии вызвала обеспокоенность в среде дипломатических и правящих кругов Российской империи. Заметим, что сам Ага-Хан III, посетивший в 1912 г. Санкт-Петербург и Москву, с особой теплотой и уважением писал о России и её культуре [The Memoirs, 1954, 122–127].

В архиве внешней политики Российской империи находятся достаточно интересные документы, подтверждающие данный факт.

Генеральный консул России в Бомбее В.О. Клемм⁵ 11 февраля 1904 г. пишет донесение в МИД России. В частности, он сообщает: «Следует заметить, что за последние несколько лет в г. Бомбее среди ходжей⁶ произошёл раскол, как говорят, именно вследствие поведения Султан-Мухаммад-Шаха. Образовалась отдельная секта, которая несколько приблизилась к шиизму и совершенно отвернулась от Ага-Хана. Отношение между этими отщепенцами и ага-хановцами весьма натянуто, особенно с тех пор, как двое последних в порыве фанатизма избili двух из первых среди дня на улицах Бомбея. Быть может было бы полезно войти в сношения с руководителями новой секты и убедить их послать одного или двух миссионеров в Среднюю Азию, Кашгар и на Памиры для обличения перед тамошними исмаилитами Ага-Хана [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 7].

В.О. Клемм понимал, что это будет очень сложная работа: «Оказать какое-либо противодействие влиянию Ага Хана в Средней Азии, Кашгарии и на Памирах будет, вероятно, очень нелегко. Руководимые особыми старшинами, именуемыми “пирами”, и утверждаемыми Ага-Ханом, исмаилиты тех мест, вероятно, не менее преданы своему имаму, чем их единоверцы в Индии. Громадное большинство их, конечно, никогда не видало этого имама и было бы, вероятно, весьма удивлено увидеть в нем утончённого европейца, пьющего вино, вкушающего свинину и т.п. Однако голословного обвинения Ага-Хана перед ними было бы недостаточно. Быть может, поощрение суннитской или шиитской пропаганды между ними могло бы скорее повести к их отпаданию, не распространение того или другого толка было бы также не особенно полезно для нас» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 6–7].

6 мая 1904 г. Генерал губернатор Туркестана Н. Тевяшев⁷ пишет письмо на имя В.Н. Ламздорфа⁸, где, в частности, сообщает: «На письмо Ваше от 15 апреля сего года за №671 имею честь уведомить Вас, что я со своей стороны присоединяюсь к мнению Вашему о желательности для нас воспользоваться возникшим в исмаилитской (в оригинале измаилитской – Т.К.) секте ходжей расколом и по возможности ослабить влияние нынешнего главы этой секты Ага-Хана, отправление в Среднюю Азию, Кашгар и Памиры одного или двух миссионеров от партии, противодействующей Ага-Хану, если удастся найти для этого людей вполне надёжных, несомненно, может до некоторой степени парализовать влияния Ага-Хана среди его последователей, и я, со своей стороны, постараюсь, поскольку это окажется возможным, оказать негласное содействие таким лицам, если они будут посланы в пределы вверенного мне Края, для чего прошу не отказать сообщить мне о дальнейшем ходе этого дела» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 11].

Вскоре этих миссионеров нашли. Ими были некие Пир-Мухаммад Ибрагим и Муса-Гулям. В своей секретной телеграмме от 8 октября 1904 г. титулярный советник Некрасов из Бомбея в МИД сообщает, что «в Ташкент едут два ходжа; в виду ис-

ключительных обстоятельств согласился на жалование каждому 300 рупий, считая день отъезда, и на проезд полуторную стоимость билета II класса, с обязательством пробыть в Туркестане не менее четырёх месяцев. Прошу возможно спешно перевести телеграфом 2908 рупий в уплату им переезда и двухмесячного жалования. Отправляются на днях. Сообщаю почтой подробности» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 17].

В следующей секретной телеграмме от 19 октября 1904 г Некрасов передаёт, что «Ходжи Пир-Мухаммад-Ибрахим и Муса-Гулям, предполагавшие выехать прежде, покидают Бомбей 5 ноября нового стиля и будут в дороге около пяти недель» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1117. Л. 28].

Властям Туркестанского края было приказано содействовать этим двум миссионерам. Об этом свидетельствует и письмо вышеупомянутого Н. Тевяшева графу В.Н. Ламздорфу от 09 ноября 1904 г., в котором, в частности, говорилось о том, что генерал-губернатор дал указание «всем пограничным властям о беспрепятственном пропуске означенных лиц в случае их появления и об оказании им содействия, насколько сие возможно будет сделать, не возбуждая подозрений местных жителей» [Там же, л. 33].

Со своей стороны политический агент Российской империи в Бухаре Я. Лютш⁹ рекомендовал Бухарским властям беспрепятственно пропускать этих людей. Была даже придумана легенда, что они едут на Памир, чтобы повидаться с родственниками [Там же, л. 34–35].

Туркестанский генерал-губернатор Н. Тевяшев 4 декабря 1904 г. пишет графу В.Н. Ламздорфу, что «в Ташкенте сейчас проживает один из наиболее влиятельных исмаилитских (в оригинале измаилитских – Т.К.) ишанов, Юсуф-Али-Ша, бежавший из Шугнана от притеснений Шугнанского бека и выжидающий ныне в Ташкенте решения вопроса об установлении в припамирских бекствах русского управления. Если вопрос этот вырешится в непродолжительном времени, то приезжие из Бомбея ходжи могли бы путём воздействия на означенного ишана в Ташкенте заручиться сильной поддержкой в главной сфере распространения исмаилизма (в оригинале измаилизма – Т.К.), а затем пропагандой на месте довершить начатое таким образом дело» [Там же, л. 41]. Более того, в этом письме генерал-губернатор предлагает Министру иностранных дел Ламздорфу продлить командировку этих двух миссионеров до сентября 1905 г., чтобы они зимовали в Ташкенте, а весной поехали на Памир [Там же, л. 42].

Однако вскоре Н. Тевяшев был разочарован работой этих миссионеров. Дело в том, что они не смогли никак поменять мировоззрение и отношение ишана Юсуф-Али-Ша к Ага-Хану III. Один из миссионеров Муса-Гулям говорил на фарси, но это не помогло ему пошатнуть преданность ишана своему имаму. В секретной телеграмме от 8 января 1905 г. генерал Тевяшев пишет: «Присланные из Бомбея Ходжи-исмаилиты ни по умственному развитию, ни по умению скрывать цель поездки не пригодны для возложенного на них поручения, к тому же крайне деморализованы зимним холодом. Опасаюсь, что проживающие в Ташкенте исмаилиты, на коих они не сумели приобрести никакого влияния, догадаются, что они поддержаны русской властью. Считал бы необходимым немедленно отправить их обратно в Бомбей, на что испрашиваю согласия Вашего Сиятельства. Содержание их дорого и непроизводительное» [Там же, л. 48].

Граф Владимир Николаевич Ламздорф ответил согласием на отправку этих ходжей-миссионеров обратно в Бомбей [Там же, л. 49].

Несмотря на то, что первый департамент министерства иностранных дел просил делать с ними «расчёт на условиях по возможности выгодных для казны» [Там же, л. 52], однако этот проект был достаточно дорогим. Согласно секретной телеграмме из Одессы в Министерство иностранных дел, Директору первого департамента Н.Г. Гартвику¹⁰ от 1 февраля 1905 г. «выдано им согласно телеграфного распоряжения одна тысяча девяносто три рубля двенадцать копеек» [Там же, л. 55].

Заключение

Так закончилась неудачная эпопея против влияния Ага-Хана III на его последователей в Средней Азии. Нам не удалось найти в архивах документы, под-

тверждающие некие административные наказания каких-либо госчиновников за этот неудачный проект. Возникает вопрос, почему государственные лица согласились на такое предприятие? Исторически так сложилось, что у Ага-Хана III были хорошие отношения с британской короной. Он почётный доктор наук Кембриджского университета. Лично встречался с королевой Викторией, королями Эдуардом VII и Георгом V. Первой страной, которую он посетил с визитом в 1898 г., была Англия, где его принимали премьер-министр Великобритании, госсекретарь по Индии. По королевскому приглашению он стоял рядом с королевой Викторией в Виндзорском замке, когда она наградила его первым британским титулом – Орденом Рыцарского креста Индийской империи. После непродолжительного пребывания в Индии Ага-Хан III вернулся в Лондон, чтобы присутствовать на коронации короля Эдуарда VII, где он был удостоен чести и звания кавалера Ордена Большого Креста Индийской Империи [Aziz, 1998, 10–11]. Большой знаток истории исмаилитов доктор Ф. Дафтари пишет: «На протяжении всей своей жизни Султан-Мухаммад-Шах поддерживал тесные отношения с англичанами, получая от правительства Великобритании многочисленные награды и преференции» [Дафтари, 2003, 206]. Конечно, его успехи на «английском поле» не могли не раздражать чиновников российской империи. Тем более, что Российская¹¹ и Британская империи были извечными соперниками на Востоке в целом и на Памире в частности.

Так называемая «Большая игра», которая развернулась на Памире во второй половине XIX в., сделала этот регион ареной ожесточённой борьбы между Российской и Британской империей, и, по словам одного из знатоков этого вопроса А.В. Постникова, главными факторами при решении вопроса делимитации и демаркации линии границ на Памире «были эгоистические геополитические интересы двух империй» [Постников, 2001, 344].

А там, где есть «эгоистические политические интересы», допустимо было использовать любую возможность навредить противнику, в том числе используя религиозный фактор. Возможно, поэтому поездка двух «дорогих» миссионеров считалась целесообразной, несмотря на высокую стоимость и несколько авантюрный характер данной кампании. Прав Д.Ю. Арапов, который писал: «Монархия Романовых являлась державой, устои которой были основаны на вере в Бога, она официально признавала ислам как веру в Бога миллионов своих подданных» [Арапов, 2009, 17]. Несмотря на официальное признание ислама, как видим, при удобном случае использовались любые разногласия среди мусульманских сообществ на окраинах империи.

Следующий момент, на котором хотелось бы остановиться в заключении данной статьи – это причины раскола среди исмаилитов Бомбея. Конечно, мысль В.О. Клемма о том, что раскол произошёл «вследствие поведения Султан-Мухаммад-Шаха», несостоятельна. Дело в том, что в 1904 г. Ага-Хан III в очередной раз выехал за пределы Индии, и в его отсутствие среди некоторых его приближённых возникла идея оспорить право Ага-Хана III на сбор причитающегося ему религиозного налога. Среди недовольных была и его двоюродная сестра Хаджи Биби. В последующем они подали против Ага-Хана III иск в Верховный суд Бомбея. В суде истцы не только требовали часть его дохода, но и ставили под сомнение его роль как наследного имама мусульман шиитов исмаилитов. Ага-Хан свою родословную вёл от пророка Мухаммада и считался единственным легитимным имамом исмаилитов. Раскольническая фракция исмаилитов утверждала, что правомочным имамом является сын Хаджи Биби, некий Самад Шах. После трёхлетней тяжбы противники имама проиграли [Дафтари, 2011, 581–582].

После 1905 г. в последующие годы влияние имама Ага-Хана III на территории Памира не только не ослабло, но и возросло. Только при помощи карательных мер органы НКВД в середине 1930-х годов немного ослабили его влияние, хотя, как показывает история, и это было временное ослабление. Ведь религиозность, выражаясь словами Е.С. Элбакян, отражает состояние сознания верующих [Элбакян, 2021, 105], а сознание верующих не всегда меняется посредством страха и террора.

Ага-Хан III до 11 июля 1957 г. стоял во главе глобальной исмаилитской общины в качестве духовного лидера, который заботился не только о душевном со-

стоянии своих последователей, но также и поднял на небывалый уровень качество жизни исмaилитов – своих последователей.

По словам Г. Гринволла, Ага Хан – «один из немногих ныне живущих мужчин, который был хорошо знаком с пятью британскими правителями, от королевы Виктории до двух её правнуков, Эдуарда VIII и Георга VI» [Greenwall, 1952, 21]. Естественно, такие знакомства делали исмaилитского имама объектом пристального внимания для государственных мужей разных стран и разного уровня. Имам же своё предназначение видел в первую очередь в наставлении своих последователей – так, чтобы они в XX в. шли в ногу с прогрессом, и это ему вполне удалось.

Благодарность

Работа выполнена в рамках плана НИР Института этнологии и антропологии РАН

Acknowledgment

The work was carried out within the framework of the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Список сокращений

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Библиографический список

1. Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
2. Арапов, Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVII – начало XX в.) / Д.Ю. Арапов. – М.: Наталис, 2006. – 480 с.
3. Арапов, Д.Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.) / Д.Ю. Арапов // Материалы Международной исламоведческой научной конференции. – М., 2009. – С. 15–20.
4. Архив внешней политики российской империи (АВПРИ) Ф. 147. Оп. 485 Д. 1117.
5. Басханов, М.К. «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904 / М.К. Басханов. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 328 с.
6. Головнева, Е.В. Советский антирелигиозный фильм / Е.В. Головнева, И.А. Головнев // Религиоведение – 2021. – № 3. – С. 151–159.
7. Дафтари, Ф. Исмaилиты: их история и доктрины / Ф. Дафтари: Пер. с англ. – М.: Наталис, 2011. – 848 с.
8. Дафтари, Ф. Краткая история исмaилизма: Традиции мусульманской общины / Ф. Дафтари: Пер. с англ. – М.: Ладомир, 2003. – 274 с.
9. Дашковский, П.К. Цензура как элемент государственно-конфессиональной политики по контролю за мусульманскими общинами Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева // Религиоведение – 2021. – № 4. – С. 34–46.
10. Климович, Л. Исмaилизм и его реакционная роль / Л. Климович // Антирелигиозник. – 1937. – № 8. – С. 34–40.
11. Постников, А.В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах) / А.В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 416 с.
12. Смолкин, В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / В. Смолкин: Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.
13. Элбакян, Е.С. Динамика социальных функций религии и религиозности в период пандемии / Е.С. Элбакян // Религиоведение – 2021. – № 3. – С.104–117.
14. Aga Khan III. India in Transition: A Study in Political Evolution / Aga Khan III. – Bombay: Bennet, Coleman and Co. 1918. – 310 p.
15. Aziz, K.K. Introduction / K.K. Aziz // Aga Khan III: selected speeches and writings of Sir Sultan Muhammad Shah. – L.: Kegan Paul international, 1998. – Pp. 1–198.
16. Greenwall, H.J. His Highness the Aga Khan: Imam of the Ismailis / H.J. Greenwall. – L.: The Cresset Press, 1952. – 241 p.
17. The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time. – L.: Cassel and Company LTD, 1954. – 350 p.

Текст поступил в редакцию 10.02.2023.

Принят к печати 10.04.2023.

Опубликован 29.06.2023.

¹ Например, одно из новейших исследований по этому вопросу, труд В. Смолкин [Смолкин, 2021]. Е.В. Головнева и И.А. Головнев пишут о роли советских фильмов в борьбе против религии [Головнева, Головнев, 2021, 151–159].

² П.К. Дашковский и Е.А. Шершнева в своей статье анализируют роль цензуры Российской империи по контролю за мусульманскими общинами Сибири [Дашковский, Шершнева, 2021, 34–46].

³ Сунниты – ахль ас-Сунна валь Джамаа (люди Сунны и согласия общины). Сунниты принимают Коран и Сунну (путь Пророка) в качестве первоисточников религии. См. подробнее: [Али-заде, 2007, 55–57].

⁴ Шииты двенадцатники – последователи 12 имамов из рода Али ибн Абуталиба. Они верят, что двенадцатый имам исчез в IX в. и появится в качестве мессии. См. подробнее: [Али-заде, 2007, 162–163].

⁵ Василий Оскарович Клемм (1861–1938) – консул Российской империи в Индии.

⁶ Исмаилитов Индии называли ходжа – термин персидского происхождения, который означает «хозяин».

⁷ Николай Николаевич Тевяшев (1842–1905) – генерал губернатор Туркестана. Его назначение новым туркестанским генерал-губернатором было для многих неожиданным и вызвало некоторое разочарование [Басханов, 2015, 201].

⁸ Владимир Николаевич Ламздорф (1845–1907) – министр иностранных дел Российской империи в 1900–1906 годах.

⁹ Яков Яковлевич Лютш (1854 – после 1921 г.) – с 1902 по 1911 гг. был политическим агентом в Бухаре.

¹⁰ Николай Генрихович Гартвиг (1857–1914) – в 1900–1906 гг. был Директором Азиатского департамента МИД.

¹¹ Кстати, данный нарратив не изменился в советское время. Один из ярких противников ислама в Советском Союзе, исламовед Л. Климович писал о том, что Ага-Хан III «верный слуга английского империализма» и «враг советской власти» [Климович, 1937, 35–37].

References

1. Aga Khan III. *India in Transition: A Study in Political Evolution*. Bombay: Bennet, Coleman and Co., 1918, 310 p.
2. Ali-zade A. *Islamskij enciklopedicheski slovar'* [Islamic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Ansar, 2007, 400 p. (In Russian).
3. Arapov D.Yu. *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konec XVII – nachalo XX v.)* [Imperial Russia and the Muslim World (late 17th – early 20th centuries)]. Moscow: Natalis, 2006, 480 p. (In Russian).
4. Arapov D.Yu. *Materialy` Mezhdunarodnoj islamovedcheskoj nauchnoj konferencii* [Proc. of the International Islamic Scientific Conference]. Moscow, 2009, pp. 15–20 (in Russian).
5. *Arxiv vneshnej politiki rossijskoj imperii (AVPRI)* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Fund 147. Inventory 485. File 1117 (in Russian).
6. Aziz K.K. Introduction in Aga Khan III. *Selected Speeches and Writings of Sir Sultan Muhammad Shah*. London: Kegan Paul international, 1998, pp. 1–198.
7. Baschanov M.K. “U vorot anglijskogo mogushhestva”: A.E. Snesev v Turkestane, 1899–1904 [“At the Gates of English Power”: A.E. Snesev in Turkestan, 1899–1904]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015, 328 p. (in Russian).
8. Daftari F. *A Short History of the Ismailis. Traditions of a Muslim Community*. Edinburg University Press, 1998, 248 p. (Russ. ed.: Daftari F. *Kratkaya istoriya ismailizma: Tradicii musul'manskoj obshhiny*. Moscow: Lodomir, 2003, 274 p.).
9. Daftari F. *The Ismailis: Their History and Doctrines*. Cambridge University Press, 1990, 804 p. (Russ. ed.: Daftari F. *Ismaility: ix istoriya i doktriny*. Moscow: Natalis, 2011, 848 p.).
10. Dashkovskij P.K., Shershneva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2021, no. 4, pp. 34–46 (in Russian).
11. Elbakyan E.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2021, no. 3, pp. 104–117 (in Russian).
12. Golovneva E.V., Golovnev I.A. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2021, no. 3, pp. 151–159 (in Russian).
13. Greenwall H.J. *His Highness the Aga Khan: Imam of the Ismailis*. London: The Cresset Press, 1952, 241 p.
14. Klimovich L. *Antireligioznik* [Anti-Religious]. Moscow, 1937, no. 8, pp. 34–40 (in Russian).
15. Postnikov A.V. *Svzatka na “Kry`she mira”: politiki, razvedchiki i geografy` v bor`be za Pamir v XIX veke (monografiya v dokumentax)* [Fight on the “Roof of the World”: Politicians, Intelligence Officers and Geographers in the Struggle for the Pamirs in the 19th Century (Monograph in Documents)]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy my`sli, 2001, 416 p. (In Russian).
16. Smolkin V. *A sacred space is never empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton University Press, 2018, 360 p. (Russ. ed.: Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne by`vaet: istoriya sovetskogo ateizma*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, 552 p.).
17. *The Memoirs of Aga Khan: World Enough and Time*. London: Cassel and Company LTD, 1954, 350 p.

Submitted for publication: February 10, 2023.

Accepted for publication: April 10, 2023.

Published: June 29, 2023.